

КОМНАТА ВОИНЫ

МОЛИТВА — МОЩНОЕ ОРУЖИЕ

РОМАН
КРИСА
ФАБРИ

По сценарию кинофильма «WAR ROOM»

АЛЕКСА И СТИВЕНА
КЕНДРИКОВ

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2019

ББК 86.37
Ф12

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
WAR ROOM
by Chris Fabry.

Published by Tyndale House Publishers, Inc.,
Carol Stream, Illinois 60188, USA.

Russian edition by Mission Visson
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.

Фабри, Крис

Ф12 Комната войны / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2019. —
336 с.

Предлагаемый вашему вниманию роман Криса Фабри — это новеллизация известного в христианских кругах фильма «War Room» Алекса и Стивена Кендриков (в русском переводе фильм получил название «Военная комната»). Вас ждет необыкновенно вдохновляющая, очень жизненная история, убеждающая в невероятной силе молитвы — мощного оружия, которое помогает выстоять и одержать победу в духовной войне, а значит, изменить жизнь к лучшему.

ББК 86.37

ISBN 978-1-4964-0728-3 (англ.)

© 2015 by Kendrick Bros., LLC
© Издательство «Виссон», 2019

*Посвящается
молитвенному воину Анджеле Юань.
Крис Фабри*

*Посвящается моей драгоценной
жене Кристине. Я нуждаюсь в твоей любви,
поддержке и молитвах и очень дорожу ими.
Пусть это признание придаст тебе сил.
Алекс Кендрик*

*Посвящается Джилл,
самому драгоценному для меня человеку.
Ты — воплощенный ответ на мои молитвы.
Я люблю тебя и благодарю
Бога за то, что Он подарил мне такого
верного молитвенного друга.
Стивен Кендрик*

***Чтобы народы планеты встали на ноги,
сначала необходимо преклонить колени.***

Билли Грэм

Клара

Припарковав автомобиль на автостоянке кладбища, пожилая седовласая афроамериканка облегченно вздохнула, словно возможность нажать на тормоз была ответом на молитву. Уверенно семеня между надгробиями, она уважительно кивала, проходя мимо могил со знакомыми именами. С годами ей становилось все труднее вспоминать лица и имена прежних знакомых. С каждым шагом она неуклонно приближалась к цели своего визита — надгробию с надписью «Уильямс». Дойдя до него, она остановилась и глубоко вдохнула свежий запах земли и травы. Пахло, как после дождя.

— Ты всегда любил дождь, не так ли, Лео? — произнесла она вслух. — Да, ты любил дождь.

Эти сокровенные мгновения в жизни Клары Уильямс не были общением с покойным мужем. Она знала, где покоится его душа, — уж никак не под этим зеленым холмиком. Тем не менее ритуал посещения кладбища, как ничто другое, помогал настроиться и вспомнить годы совместной жизни. Она могла бы вспомнить мужа и дома, глядя на фотографии Лео в военной форме или на те несколько потрепанных снимков, которые он привез из Вьетнама, но тогда она не смогла бы коснуться рукой каменного надгробия, на котором было выгравировано его имя, и установить на могиле мужа маленький флажок США. Она ревностно следила за тем, чтобы на его могиле всегда был такой флажок.

Все представления Клары о военных действиях ограничивались снимками, оставшимися ей от мужа. Она не могла

заставить себя смотреть фильмы о войне, особенно документальные съемки о боях во Вьетнаме: все эти взрывы напалмовой смеси и ужасные удары при отдаче в плечо обнаженным по пояс солдатам, стреляющим из автоматических винтовок М16. Едва наткнувшись на канал PBS, демонстрирующий подобные фильмы, она моментально переключала его. Ей была невыносима откровенная жестокость таких фильмов.

Но Клара не понаслышке знала о другом сражении, которое ежедневно велось на поле битвы — в шести миллиардах человеческих сердец. О войне она знала главное: чтобы одержать победу, кто-то должен разработать стратегию боя, укрывшись в защищенном от свиста пуль и взрывов бомб месте.

Она представляла, как ее муж пристально вглядывается в нанесенные на карту боевых действий координаты. Уставший и встревоженный, он вместе с соратниками пытается разгадать действия противника, чтобы, мобилизовав все силы, предотвратить его наступление. После смерти мужа ей довелось услышать немало рассказов о его храбрости и готовности ради спасения солдат пожертвовать собой.

— Лео, сегодня нам необходимы неогнимоемые воины, — сказала она. — Такие, как ты: с железной волей и золотым сердцем.

Но сердце Лео перестало биться слишком рано, оставив ее одну с десятилетним сыном на руках. Его смерть была внезапной. Клара не была к ней готова. В свои тридцать лет она думала, что в ее распоряжении много времени и бесконечно длинная жизнь. Но ее надеждам не суждено было сбыться: судьба бесцеремонно навязала ей собственный сценарий, и время не пощадило ее сердца.

Неспешно опустившись на колени у надгробной плиты, Клара принялась выдергивать сорняки, вспоминая, как сорок лет назад стояла на этом же месте со своим единственным сыном.

— Мне жаль, что ты не видишь Клайда, — сказала, обращаясь к мужу, Клара. — Он так похож на тебя, Лео. Говорит и ведет

себя так же, как ты, и даже его смех почти неотличим от твоего. Как бы я хотела, чтобы ты увидел, каким человеком он вырос!..

Сорок лет назад она стояла здесь вместе с Клайдом и смотрела на надгробия, венчающие могилы близких и дорогих ей людей. «Мама, почему люди должны умирать?» — спросил ее Клайд.

Клара ответила ему слишком поспешно, сказав, что смерть — участь каждого человека, и процитировав библейский стих, в котором говорится: «...человекам положено однажды умереть, а потом суд...»* Она сразу поняла, что он ищет не богословский ответ, а нечто совсем другое. Преклонив колени и глядя сыну в глаза, она поделилась с ним той истиной, в которой ни минуты не сомневалась: «Я не знаю, почему люди должны умирать, сынок. Не думаю, что смерть была задумана Богом. Но она, несомненно, была частью чьего-то замысла. Я верю, что Бог достаточно велик и могуществен, чтобы использовать ее во благо. Смерть не так однозначна, как нам кажется».

Клайд смотрел на нее полными слез глазами. Она обняла его и заплакала вместе с ним, и чем больше вопросов он задавал, тем крепче она прижимала его к себе. Ветер подхватил ее слова и унес прочь. Она навсегда запомнила те объятия с сыном у могилы мужа.

— Я никогда не думала о том, что старею, — призналась она мужу и посмотрела на сморщенную кожу своих обветренных рук. — Я просто жила день за днем, делая все, что в моих силах. И вот не успела я и глазом моргнуть, а сорока лет как не бывало. Но я постаралась усвоить все уроки, которые преподал мне Бог. — Поднявшись с колен, она отряхнула прилипшую к ним траву. — Лео, мне так жаль!.. Как мне хотелось бы вернуть нашу молодость и иначе прожить отведенные нам годы! Я не отказалась бы от еще одной попытки. Ну да ладно. Покойся с миром. Надеюсь, мы скоро увидимся.

---

* См.: Евр. 9:27. — Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.

Немного помедлив и позволив поблекнуть нахлынувшим воспоминаниям, она повернулась с намерением проделать тот же путь назад к своему автомобилю, как до ее слуха донеслись чьи-то голоса. В тридцати ярдах от нее спорила какая-то пара. Не слыша их слов и не зная, о чем эти двое спорят, Клара захотела сделать им замечание, напомнить, что они на кладбище, объяснить, что воюют они не с тем врагом, рассказать, кто их настоящий враг и что победа над этим врагом не дело случая, но результат продуманной стратегии и мобилизации всех сил.

Пара села в машину и уехала, а Клара, медленно переставляя ноги, направилась к своему автомобилю, сев в который, обнаружила, что изрядно запыхалась.

— Не знай я как свои пять пальцев этот путь, я решила бы, что расстояние до могилы мужа с каждым годом все увеличивается, — пробормотала она себе под нос.

И услышала смех Лео, отозвавшийся в ее памяти горько-сладостным эхом.

ГЛАВА I

Прежде чем постучать в дверь, Элизабет Джордан подметила все изъяны выставленного на продажу дома. Она обратила внимание на недостатки в озеленении участка, выбоины на подъездной дорожке и неполадки с водостоком на крыше рядом с гаражом. Трижды постучав в дверь, она бросила взгляд на облупившийся подоконник. Подобная дотошность была частью ее профессиональных обязанностей. Подача продаваемого дома в выгодном свете чрезвычайно важна, она — чуть ли не единственный шанс произвести благоприятное впечатление на потенциального покупателя.

Увидев в окне свое отражение, Элизабет выпрямилась и одернула темный жакет. Зачесанные назад волосы выгодно подчеркивали выразительную лепку ее лица: крупный нос, высокий лоб — и шоколадный оттенок кожи. Элизабет хорошо знала более чем 150-летнюю историю своей семьи. Десять лет назад они с мужем и маленькой дочерью совершили поездку на одну из плантаций Глубокого Юга*, где когда-то жила ее пра-пра-прабабушка. Служившая ей домом небольшая хижина была восстановлена наряду с другими лачугами, и потомки плантаторов по всей стране разыскивали потомков рабов своих состоятельных предков. Просто войдя в одну из таких хижин, Элизабет почувствовала, как ее сердце переполняет

---

* Глубокий, или Дальний, Юг (*англ.* Deep South) — обозначение географических и культурных регионов на юге США (в первую очередь штаты Алабама, Джорджия, Луизиана, Миссисипи и Южная Каролина).

сострадание к своим предкам и на глаза наворачиваются слезы при мысли о том, как трудно им жилось. Крепче прижав к груди дочь, она возблагодарила Бога за упорство своих соплеменников и их наследие: благодаря им она сегодня располагает теми возможностями, о которых они не могли и мечтать.

Элизабет дождалась, когда откроется дверь, и улыбнулась представшей перед ней женщине чуть моложе ее. Мелисса Тэйбор держала в руках коробку с домашним скарбом и плечом прижимала к уху мобильный телефон. При виде Элизабет ее рот и глаза округлились.

— Мам, мне пора, — сказала она в трубку.

Элизабет терпеливо ждала, улыбаясь.

Повернув голову, Мелисса крикнула:

— Джейсон и Дейвид, оставьте мяч и возьмите у меня эту коробку!

Элизабет хотела протянуть руку, чтобы ей помочь, но была вынуждена пригнуться, когда мимо, едва не угодив ей в голову, пролетел мяч. Никого не задев, мяч приземлился за ее спиной, и она рассмеялась.

— О, простите! — воскликнула Мелисса. — Вы, должно быть, Элизабет Джордан?

— Да. А вы Мелисса Тэйбор?

Коробка едва не выпала из рук Мелиссы, когда она попыталась пожать руку Элизабет.

— Да. Еще раз простите. Мы только начали паковать вещи.

— Ничего страшного. Я могу вам помочь?

Мимо проскользнул мужчина с портфелем и папкой в руках.

— Дорогая, в два я должен быть в Ноксвилле. Но я разобрал шкаф. — Свободной рукой он держал плюшевого медведя, которого опустил в коробку. — А это я нашел в холодильнике. — Пройдя мимо стоящей на пороге Элизабет, он остановился и, указав на нее рукой, горделиво заявил: — Вы — риелтор.

Он угадал пусть не имя, но специальность, и Элизабет оказалась одной из тех, кого ему вмиг удалось идентифицировать.

Она улыбнулась и с ответным жестом подхватила игру:

— А вы — агент по продаже программного обеспечения.

— Как вы догадались? — спросил мужчина, удивленно распахнув глаза.

— Прочитала на папке, которую вы держите в руках.

Она одинаково хорошо идентифицировала и комментировала, ведь ей приходилось много взаимодействовать с людьми. Особенно с мужем.

Опустив глаза на папку, он хмыкнул с довольным смешком, словно поразившись ее наблюдательности.

— Простите, но я вынужден вас покинуть. Жена ответит на все связанные с домом вопросы. Да, он в ужасном состоянии. Мы во всем виним наших детей. — Взглянув на Мелиссу, он добавил: — Я позвоню тебе вечером.

— Люблю тебя, — крикнула вслед мужу Мелисса, так и не выпустив из рук коробку.

Но муж уже спешил к машине. Пройдя в шаге от мяча, он, похоже, даже не заметил его.

— Я вас понимаю, — сказала Элизабет. — Мой муж занимается тем же самым. Он — торговый представитель одной фармацевтической компании.

— О! — воскликнула Мелисса. — А ему не надоели все эти разъезды?

— Кажется, нет. Полагаю, ему нравится сидеть за рулем, ни о чем не задумываясь. Понимаете? Вместо того чтобы весь день торчать в офисе...

— ...В то время как вы заняты демонстрацией домов и общением с людьми, переживающими не самый легкий этап жизни.

Элизабет вошла в дом и не смогла не заметить минимум двенадцать проблем, которые придется устранить, если хозяйка намерена продать свой дом. Оглядевшись, она увидела еще немало недочетов, но решила не упоминать их в данный момент, поскольку по лицу Мелиссы поняла, что та близка к панике.

— Знаете, как говорится, хуже переезда только смерть и развод, — продолжила разговор Мелисса.

Сочувствуя, Элизабет положила руку на плечо женщины:

— И, вероятно, это далеко не первый ваш переезд за последние годы.

— Эти коробки остались от прошлого переезда, — вздохнула Мелисса.

Элизабет понимающе кивнула и, заметив очередную трещину в стене, постаралась переключить свое внимание на хозяйку дома.

— Вы справитесь, — пообещала она.

И тут по ведущей на второй этаж лестнице один за другим скатились двое мальчишек: блондин с торчащими во все стороны вихрами и его размахивающий теннисной ракеткой братец. Оба были примерно одного возраста с дочерью Элизабет. Их энергии с лихвой хватило бы на годовое снабжение электричеством небольшого городка. Кому нужны электростанции и ветряные мельницы при наличии мальчишек-подростков?

Мелисса вздохнула:

— Думаете, справлюсь?

* * *

Рабочий день Тони Джордана начался в престижном отеле города Роли — столицы штата Северная Каролина. Встав рано, он отправился в тренажерный зал, пока там никого не было: он любил тишину, а большинство тех, кто, как и он, приехал в командировку, не спешили ни свет ни заря приступить к тренировкам. Потом он принял душ, оделся и позавтракал фруктами и соком. Другие спешащие на работу постояльцы отеля уплетали пончики, вафли или сладкие кукурузные хлопья, но Тони для победы над конкурентами было необходимо оставаться в хорошей физической форме, сохраняя все имеющиеся у него преимущества, поэтому здоровью в достижении цели отводи-

лась немаловажная роль. Он всегда верил, что если будет здоровье, то будет и все остальное.

Прежде чем выйти за дверь, Тони посмотрел на себя в зеркало: идеальная короткая стрижка, накрахмаленный воротничок сорочки, новехонький галстук, сильная мускулистая шея атлета, узкая полоска усов над верхней губой и короткая остроконечная бородка — выглядел он безупречно. Уверенности в себе ему тоже было не занимать. Настраиваясь на предстоящую встречу, он сверкнул ослепительной улыбкой и, протянув руку, произнес:

— Здравствуйте, мистер Барнс.

Будучи афроамериканцем, он всегда чувствовал, что находится чуть-чуть позади большинства своих белых коллег и конкурентов — не из-за недостатка умений, способностей или красноречия, но из-за цвета кожи. Он не мог сказать, так ли это на самом деле, как не мог прочесть мысли человека, с которым встречался впервые, но он замечал вопросительный взгляд и секундное колебание клиента, предшествующие первому рукопожатию. Он замечал подобные проявления даже у своего начальства в «Brightwell Pharmaceuticals», особенно у одного из вице-президентов компании, Тома Беннетта. Тони считал, что тот получил свою должность благодаря дружеской протекции. Еще один белый, знающий кого-то, знакомого с кем-то, кто и выдвинул его на руководящую должность, ускоряющую подъем по карьерной лестнице. Тони старался зарекомендовать себя успешным агентом по продажам, обладающим добродушным и покладистым характером и всем своим видом говорящим: «Верьте мне. Я справлюсь». Том был далеко не так успешен по части сбыта продукции, и Тони не мог не задумываться, уж не цвету ли кожи тот обязан занимаемой должностью.

Принимая реальность, Тони поклялся работать еще усерднее и энергичнее, чтобы оставаться на высоте предъявляемых к нему требований, но в глубине души считал невидимое

препятствие — темную кожу — несправедливым. Обладатели более светлого оттенка кожи не ведают этих проблем, так чем он хуже?

Вершиной, которую сегодня ему предстояло покорить, была фирма «Holcomb». В работе с ней были свои трудности, но где их не было? Даже опытным продавцам требовались время, подготовка, знание ситуации и осведомленность в куче мелочей. В этом и заключался секрет Тони — в знании нюансов, способных сыграть решающую роль. Он помнил имена и подробности жизни своих клиентов и их пристрастия. Например, такую деталь, как предпочтение драйвера* марки PING, который он припас в своем багажнике.

У Келвина Барнса загорятся глаза, когда Тони, как само собой разумеющееся, протянет ему эту клюшку. Ее покупка обошлась Тони в несколько сотен долларов, но окупится сторицей, когда он увидит выражение лица своего начальника, узнавшего о том, какую сделку заключил Тони.

Он вошел в элегантно оформленный зал заседаний, еще в холле уловив запах дорогих кожаных кресел, и положил на стол красного дерева чемоданчик с образцами продукции своей компании. Полагая, что Келвин Барнс, который не любил, когда его называли просто Келвин, войдя в зал и пожав Тони руку, не заметит клюшку, прислоненную к стоящему рядом креслу, он разместил ее в кресле таким образом, чтобы рукоятка вышлась над поверхностью стола. Заслышав в холле приближающиеся голоса, он все же вернул клюшку на пол, помня о необходимости действовать более изощренно.

Мистер Барнс появился в зале заседаний в сопровождении мужчины, лицо которого показалось Тони знакомым. На мгновение он замер, не в силах вспомнить имя вошедшего. Чтобы подстегнуть память, Тони попытался расслабиться, прибегнув к освоенному им мнемоническому приему, и тут же представил

---

* Драйвер — здесь: клюшка в игре в гольф для самого далекого удара, имеющая наименьший угол наклона головки и самую длинную ручку.

себе этого человека стоящим посреди огромной свалки в бейсболке с логотипом компании «John Deere». Диринг — вот как звучит его фамилия. Только почему этот Диринг стоял посреди свалки?..

— Тони, вы помните...

— Филадельфия Диринга? — продолжил Тони, протягивая руку. — Рад снова вас видеть.

Крайне удивившись, мужчина улыбнулся и пожал Тони руку.

Запрокинув голову, мистер Барнс от души рассмеялся:

— Фил, ты только что поспорил мне двадцать баксов. Я же говорил, что он тебя вспомнит. — Его взгляд упал на клюшку для гольфа. — Что это тут у нас?

— Это клюшка, о которой я вам говорил, мистер Барнс, — сообщил Тони. — Готов поспорить, что она добавит по меньшей мере тридцать ярдов к каждому дальнему удару. Вам останется лишь как следует прицелиться.

Мистер Барнс взял в руки драйвер. Он был заядлым любителем гольфа, играл трижды в неделю и после выхода на пенсию планировал поселиться во Флориде. Добавочные тридцать ярдов к его удару означали, что Барнс сможет значительно сократить время прохождения поля, то есть претендовать на семьдесят вместо семидесяти двух очков за восемнадцать лунок. А в удачный день, возможно, и того меньше.

— Тони, вес клюшки замечательный, а балансировка просто феноменальная!

Тони видел, с каким восторгом Барнс держит в руках драйвер, и не сомневался, что сделку можно считать завершённой еще до того, как он откроет свой чемоданчик с образцами. Завершив юридическую часть сделки и подписав бумаги, Тони встал. Он знал, что его костюм и галстук вкупе со спортивным телосложением производят внушительное впечатление.

— Мы должны вместе отправиться на поле для гольфа и поработать над вашим ударом, — сказал мистер Барнс.

— Может быть, в следующий раз, — улыбаясь, ответил Тони.

— Вы не жалеете, что проделали этот путь, к тому же так рано?

— Нет. Я люблю водить машину.

— Мы рады вести с вами дела, Тони, — сказал мистер Барнс. — Передайте привет Коулману.

— Хорошо.

— И спасибо за новую клюшку.

— Приятной игры.

Тони пожал руки бизнес-партнерам:

— Господа, будем на связи.

Зал заседаний Тони покинул летящей походкой. Ничто не может сравниться с чувством удовлетворения от удачной сделки! Подходя к лифтам, он все еще слышал счастливый голос Келвина Барнса, восторгающегося своей новой клюшкой и сетующего на то, как давно ему хочется и все не удается взять выходной и сыграть в ближайшем загородном клубе. Ожидая лифт, Тони проверил, нет ли у него пропущенных звонков, поскольку взял за правило во время деловых переговоров держать телефон отключенным. Это было еще одно правило, которому он старался неукоснительно следовать: демонстрировать уважительное отношение к клиенту, сосредоточив на нем все внимание и не позволяя ему заподозрить, будто в мире есть кто-то важнее его. Клиент должен видеть, что он — ваш приоритет! Всегда!

Навстречу Тони по белой лестнице спускалась молодая женщина. В руках она держала кожаную папку и улыбалась. Убрав телефон в карман, Тони улыбнулся в ответ.

— Вижу, сделка состоялась, — сказала женщина, обращаясь к Тони.

Он уверенно кивнул:

— Конечно.

— Я впечатлена. Чаще всего отсюда сбегают, поджав хвост. Тони протянул руку:

— Я — Тони Джордан.

— Вероника Дрейк, — сказала она, отвечая на рукопожатие. Ее рука была мягкой и теплой. — Я работаю на мистера Барнса и займусь оформлением сделки.

Женщина протянула ему визитку, при этом слегка коснувшись его руки. Никакого явного намека, но ее прикосновение не оставило его равнодушным. Вероника была стройной и темпераментной, и Тони представил, как мило они могли бы пообщаться в каком-нибудь ресторане. Потом он вообразил их романтическое свидание в отблесках уютно потрескивающего камина: Вероника склоняется к нему, ее губы влажны и призывно манящи... Все эти видения пронеслись перед его мысленным взором, пока он смотрел на ее визитную карточку.

— Что ж, Вероника Дрейк, думаю, что увижу вас вновь, когда вернусь сюда через две недели.

— Жду не дождусь, — сказала она, и ее улыбка заставила его думать, что это не просто фигура речи.

Вероника удалилась, и Тони, обернувшись, проводил ее излишне пристальным взглядом.

Пока он ждал лифт, его телефон подал звуковой сигнал, и Тони взглянул на экран.

Банковское уведомление: списание средств.

Он только что заключил крупнейшую за последние несколько месяцев сделку, которую тщательно спланировал и разработал, и в кульминационный момент заслуженного триумфа получил очередной удар от жены.

— Элизабет, ты меня убиваешь, — прошептал он.

* * *

Элизабет сидела на белой банкетке у изножья кровати и растирала свои ступни. Проведенное в доме Мелиссы время прошло недаром — Элизабет составила список необходимых ремонтных работ и разделила их на несколько этапов. Наличие в семье двух сыновей не упрощало продажу дома, но дети

всегда находят способ, как усложнить и без того непростую задачу риелтора. Этот фактор необходимо учитывать при продаже любого дома.

Позади был долгий день с посещением еще одного выставленного на продажу дома, и теперь она ждала возвращения Даниэль, у которой сегодня был последний в этом учебном году день в школе. Элизабет буквально валилась с ног. Ей так хотелось свернуться калачиком и уснуть, но предстояло еще многое сделать. У нее всегда было много дел.

— Мама?

Элизабет не могла двинуться с места.

— Я здесь, Даниэль.

Ее десятилетняя дочь вошла в комнату, что-то неся в руках. За год она еще подросла, вытянувшись, словно тростник. Фиолетовая лента в волосах подчеркивала миловидность ее личика. Дочь очень походила на своего отца — такая же ослепительная улыбка и живой блеск глаз. Правда, сейчас этот блеск немного потускнел.

— Вот мой табель. По-прежнему одна тройка.

Взяв табель, Элизабет просмотрела его и обратилась к предвзвешенно сбросившей с плеч школьный рюкзак и примостившейся рядом дочери:

— О, детка! По остальным предметам у тебя пятерки. Одна тройка по математике — это нестрашно. Зато у тебя начались летние каникулы, верно?

Подавшаяся было вперед Даниэль внезапно отпрянула. Принюхавшись, она скорчила недовольную гримасу:

— Этот запах от твоих ног?

Смутившись, Элизабет поспешно поджала ноги:

— Прости, детка. У меня закончился тальк.

— Ну и запах!..

— Знаю. Просто решила на минутку разуться.

Дочь уставилась на ноги матери, словно на токсичные отходы.

— Ужасный запах, — сказала она, не скрывая отвращения.

— Что ты сидишь и смотришь? Лучше помоги мне — разотри их.

— Ни за что!

Элизабет рассмеялась:

— Тогда накрой к ужину стол. Когда вернется папа, покажи ему свой табель, хорошо?

— Да, мам.

Даниэль забрала в кухню свой табель, и Элизабет снова осталась одна. Запах ног стал серьезной проблемой несколько лет назад, но с помощью дезодорирующего талька она успешно ее решала. Хотя, возможно, ей просто не хотелось смотреть правде в глаза, ведь этот ужасный запах свидетельствовал о каком-то серьезном нарушении в организме.

На какие мысли наводила ее эта ситуация? Что запах является симптомом какой-то болезни? Или проблем с печенью, проявляющихся таким необычным образом? Ее подруга, Мисси, постоянно отыскивала в Интернете описания различных заболеваний и сравнивала их симптомы с симптомами своих недугов. Как-то раз, разглядев на руке крошечное пятно, она заключила, что у нее меланома. На следующий день у нее разболелась голова, и она диагностировала у себя опухоль мозга. Тогда-то Элизабет и приняла решение, что никогда не станет ипохондриком, — просто у нее дурно пахнущие ноги.

Она подняла одну из своих туфель и принохалась. В отеле, в котором они с Тони провели медовый месяц, подавали сыр, пахнущий примерно так же. Она опустила туфлю на пол. Забавно, как запах может всколыхнуть в памяти события, произошедшие шестнадцать лет назад.

Проведя рукой по одеялу, Элизабет вспомнила их первую брачную ночь, все предшествующие ей ожидания и волнения. Готовясь к свадьбе, она не спала два дня, и само торжество прошло для нее, как в тумане. Поэтому, едва коснувшись головой подушки в номере для новобрачных, она заснула как убитая.

Тони был огорчен, и какой нормальный мужчина на его месте не огорчился бы? Но ей, как любой нормальной женщине, было нужно чуть больше понимания и снисхождения.

На следующий день от ее сонливости, испортившей первую брачную ночь, не осталось и следа, и все же им стоило обсудить этот прецедент. Тони был куда разговорчивее, когда они встречались, а также когда были помолвлены, но вскоре после того, как у алтаря прозвучали слова «согласен» и «согласна», он словно утратил дар речи. Порой ей хотелось разговорить его или найти чудесное заклинание, способное разрушить его «обет молчания».

Их брак нельзя было назвать неудачным. Ничего общего со звездными браками знаменитостей, об изменах которых телевидение вещает с утра до вечера, или отношениями живущих по соседству супругов, чьи семейные разборки всегда заканчиваются выбрасыванием из окон домашнего скарба. У них с Тони родилась прекрасная дочь, и оба могли похвастаться идущей в гору карьерой. Да, в последнее время муж немного отстранился от нее, и они уже не были так близки, как раньше, но Элизабет не сомневалась в том, что это временные трудности. Иначе и быть не могло.

Она убрала туфли в самый дальний угол гардеробной и пошла в кухню готовить ужин. Налив в кастрюлю воды и поставив ее на плиту, Элизабет опустила в закипевшую воду спагетти, и пока вода медленно выкипала, принялась помешивать аппетитно булькающий в соседней кастрюльке томатный соус.

Приглядывая за готовящимися спагетти, она чувствовала, как и в ней что-то медленно закипает. Некое волнение, природа которого была не до конца ей ясна... То ли беспокойство и тоска, то ли страх, то ли несбывшиеся надежды, то ли недовольство своим браком или самой жизнью, если уж на то пошло. Быть может, им с мужем суждено идти каждому своим путем, и вместе они лишь на время? Но Элизабет не оставляло досадное чувство, будто она что-то упускает. Ей казалось, что их брак мог

стать чем-то бóльшим, чем союз двух людей, которые изредка проводят время вместе в своем милом доме.

Элизабет была занята приготовлением салата, а Даниэль раскладывала салфетки рядом с каждой тарелкой, когда раздался отвратительный металлический скрежет гаражных ворот, который с прошлого года стал еще громче. Если бы Элизабет пришлось продавать собственный дом, она настояла бы на приглашении специалиста, способного исправить эту досадную помеху. Но Тони этот отвратительный звук не беспокоил.

Как, собственно, и состояние их брака.

— Даниэль, папа приехал!

— Он рассердится из-за тройки? — успела спросить Даниэль.

Взгляд дочери удивил Элизабет. Ей захотелось поспешить в гараж, чтобы предупредить Тони о необходимости ободрить дочь, сказать ей что-нибудь позитивное, постараться увидеть, что стакан наполовину полон, и не цепляться к мелочи, отделяющей ее от совершенства.

— Детка, я же сказала тебе: тройка — это не так уж и плохо. Это нормально.

Говоря это, она пыталась убедить в этом не только Даниэль, но и саму себя, поскольку знала, что муж не разделяет ее точку зрения.

Клара

Клара находилась в своей молитвенной комнате — комнате войны, как она ее называла, — когда к ней пришло ясное осознание того, что ее жизнь вот-вот изменится. Она почувствовала, что ей предстоит сделать некий решительный шаг, но не знала какой, а главное, зачем. Прыгнуть с парашютом? Она усмехнулась. В ее возрасте земля была уже слишком далеко. Заметить в углу продуктового магазина какую-нибудь бездомную женщину и угостить ее сэндвичем? Так накануне она уже сделала это.

Клара знала, что молитва с легкостью может превратиться в список адресованных Богу требований: стоит лишь вспомнить целый ряд своих желаний, нужд и чаяний и в конце для пущей важности добавить *аминь*. Как ни маскируй эгоизм, думала она, его не спрячешь. Она верила, что в сердце каждого человека кроется желание угождать себе, и эта неприглядная истина ослабляет силу молитвы.

Молитва — это прежде всего полнейший отказ от собственной воли. Примером могут служить слова Иисуса, молившегося в Гефсиманском саду: «...не Моя воля, но Твоя да будет»*. Как ни парадоксально, но, отказавшись от своей воли, человек обретает Божью волю, а вслед за ней и все то, чего он действительно все это время искал. Вот во что Клара всем сердцем верила.

---

* См.: Лк. 22:42.

Раньше она воспринимала молитву как обращение с речью к Богу, словно к папочке, на коленях у которого можно поплакаться, посетовать на свои горести и разочарования. Но спустя какое-то время она обнаружила, что молитва — это не монолог, а диалог, что Богу можно не только говорить — Его можно слушать, позволяя действовать Святому Духу и напоминать ей о том, о чем она никогда не просила Его напоминать.

И тогда в ее молитвенной комнате — крошечной каморке на втором этаже ее дома — начали происходить кое-какие перемены. Нет, там не было никакого физически различимого голоса или каких-то таинственных посланий, явленных ей из словесной чепухи со страниц утренних газет. Там было лишь чувство, что Бог действует, выталкивая ее из привычной зоны комфорта. Клара понятия не имела, что это значит, но чем больше она молилась и расспрашивала Бога о природе этого странного чувства, тем реже Он проявлял Себя. По крайней мере, так ей казалось.

«Господь, чего бы Ты ни хотел, я готова следовать за Тобой. Просто указывай мне путь», — говорила она.

И ждала ответа.

ГЛАВА 2

Тони завел машину в гараж и выключил зажигание. Нажав на кнопку пульта дистанционного управления воротами гаража, он смотрел, как те медленно опускаются. По пути домой в надежде справиться с одолевавшим его раздражением он крутил ручку приемника в поисках какого-нибудь старенького хита, но вместо этого наткнулся на спортивных комментаторов, обсуждающих очередной допинг-скандал в футболе. Игрок, о котором шла речь, переживал публичный конфликт с женой. Слово нарочно все вокруг напоминало Тони о его злости на поступок Элизабет. Почему она позволяет себе такое обращение с их общими доходами? Как она могла истратить их общие деньги?..

Распалить себя он начал еще тогда, когда, выключив радио, вел машину по знакомым улицам Конкорда, штат Северная Каролина. Задумавшись, он умудрился не заметить привычные дорожные знаки и пропустить поворот. Так бывает, когда много времени проводишь в разъездах.

Он любил Элизабет. Всегда любил, но только не сейчас — сейчас он был не в силах вспомнить, когда в последний раз им удалось провести совместный вечер без пререканий. Может, без них супружеская жизнь невозможна? Может, это та рутина, допустив которую, приходится терпеть ее до конца жизни? Но на это, как хотите, он не подписывался.

Когда ворота гаража опустились, Тони подхватил сумку, и тут прямо ему под ноги выпала визитная карточка, которую

вручила ему Вероника. Он поднял визитку, достал телефон и, найдя приложение, в котором хранил важные номера телефонов, сохранил данные Вероники. Это приложение позволяло, записав любую информацию на свой телефон, прочитать ее с любого другого электронного устройства. Втянув носом воздух, Тони ощутил исходящий от визитки едва уловимый аромат духов. Эта женщина была такой утонченной, стройной, энергичной и молодой! Она заинтересовала его и недвусмысленно дала понять, что он тоже интересен ей. Давно забытые переживания! Особенно по отношению к Элизабет.

Убрав в сумку визитку и сделав глубокий вдох, он решил, что постарается не скандалить и держать себя в руках, а также не витать в облаках, в чем частенько обвиняла его Элизабет. Он хочет быть здесь, рядом с дочерью и женой. Но прежде ему необходимо разобраться с деньгами. Разобравшись с этой проблемой, он успокоится и сможет жить дальше, не чувствуя себя таким... скупым, таким... мелочным.

Войдя в дом, Тони ощутил знакомый запах готовящихся спагетти. Он почти возненавидел это ставшее символом их брака блюдо: нечто, что легко готовится и быстро подается на стол. Когда же Элизабет научится готовить какое-нибудь другое блюдо?

Даниэль встретила отца настороженным взглядом и что-то протянула ему:

— Привет, папа.

— Привет, Даниэль.

Он хотел скрыть металлические нотки в голосе, но сейчас ему было не до этого. Положив сумку на кухонную стойку, Тони повернулся к Элизабет.

— Вот мой последний табель. Все пятерки, кроме одной тройки.

— Я получил уведомление, что ты перевела пять тысяч долларов из наших сбережений на свой текущий счет, — заявил Тони жене, игнорируя Даниэль.

Перестав раскладывать по тарелкам салат, Элизабет взглянула на мужа, словно испуганный ребенок. Даниэль молчала.

Не сводя глаз с жены, Тони продолжил тем же суровым тоном:

— Надеюсь, не для того, чтобы вновь оказать материальную поддержку своей сестре.

При этих словах Элизабет выпрямилась. Тони пытался сдерживаться, но пять тысяч долларов и вечные проблемы с ее сестрой вынудили его переступить черту.

— В прошлом месяце ты перевел своим родителям столько же, — вымолвила наконец Элизабет. — А моей сестре деньги нужнее.

— Мои родители — пожилые люди, — повысил голос Тони. — Твоя сестра вышла замуж за бездельника, и я не намерен содержать лентяя.

— Даррен не лентяй. Ему просто тяжело найти работу.

— Лиз, он — бездельник! Я даже не помню, когда он в последний раз работал.

Переведя взгляд на Даниэль, Элизабет изменилась в лице. Тони тоже глянул в спину удаляющейся дочери, а потом на оставленный ею на столе клочок бумаги. О чем она говорила? О табеле?

Элизабет тут же поспешила исправить ситуацию. Решив не спорить с мужем, она бросила на него укоряющий взгляд:

— Может, отложим эту тему?

Но Тони был неумолим:

— Нет, обсудим ее сейчас. Хочешь отдавать им деньги? Ладно. Но только не мои.

— Твои деньги? — Этого она стерпеть не могла. — Насколько я помню, мы оба клали деньги на этот счет.

— Насколько я помню, я зарабатываю в четыре раза больше тебя. Не смей без спроса ничего переводить!

Столько усилий, чтобы держать себя в руках. Столько усилий, чтобы «быть здесь». Тони корил себя за несдержанность,

но отступить было слишком поздно. Жене придется раз и навсегда принять всю правду об их совместных финансах.

На мгновение Элизабет отвела взгляд, и он почувствовал, как к нему возвращается давнишний страх. Вскоре после вступления в брак ему доводилось слышать, что когда в семье появляются дети, жена обращает свое сердце к ним, а муж — к работе. Он сказал себе, что с ними этого не случится, что ни он, ни Элизабет этого не допустят. И вот, кажется, это произошло.

— Давай просто поужинаем, — предложила Элизабет тоном, которым обычно пыталась вразумить сомневающегося покупателя после того, как он увидел, во что ему обойдутся процентные выплаты по рассчитанной на тридцать лет ипотеке.

Тони бросил взгляд на стол, тарелки, салфетки, салат, спагетти и понял, что больше не выдержит. Он чувствовал, что просто не может сесть за стол и как ни в чем не бывало расспрашивать Даниэль об успеваемости или о чем-то еще, и все из-за пяти тысяч долларов. Боже праведный, пять тысяч долларов!

— Ужинайте, — сказал он, забирая с кухонной стойки свою сумку. — Я в спортзал.

* * *

Элизабет смотрела в спину удалявшемуся в спальню мужу. Ей хотелось наорать на него, выбежать из дома и, прыгнув в машину, самой умчаться в спортзал. Почему вечно сбегает он, а не она? Вот только от их проблем им не сбежать. Она хотела, стоя лицом к лицу, спорить с ним до тех пор, пока он наконец не услышит ее — пока не *услышит* все, что она хочет ему сказать, вместо того чтобы, бросив очередное обвинение, сбежать. Такой была его обычная тактика, приводившая ее в ярость. Оборвать разговор, словно захлопнуть дверь перед носом надоедливому коммивояжера.

От истерики ее удержал потерянный вид дочери. Даниэль молча разглядывала свой табель: не замечая пятерок, она не сводила глаз с единственной тройки. Стоило ли этому

удивляться? Она так переживала из-за возможной реакции отца, а тот вовсе не отреагировал. Он и дочь-то едва заметил, что уж говорить о ее переживаниях! Как он не видит, что ранит ее? Любой, не будь он слеп, заметил бы это.

Обоняние Элизабет потревожил едкий запах, сигнализирующий о кулинарном коллапсе, и она вспомнила о духовке, из вентиляционного отверстия которой уже сочились струйки дыма. Сердце Элизабет сжалось. Она открыла дверцу духовки и, достав противень, вместо булочек, радующих глаз румяной корочкой, обнаружила дымящиеся угольки. Насадив один из них на вилку, она осмотрела его.

— Ну вот, я сожгла булочки, — сказала она скорее самой себе, чем кому-то еще, и выбросила в мусорное ведро сначала одну, а потом и все остальные.

— Не беда, мам.

— Знаю, — откликнулась Элизабет.

Выложив на тарелку спагетти и соус и придвинув к Даниэль блюдо с салатом, она пошла в спальню, чтобы поговорить с Тони.

— Послушай, может, ты все-таки вернешься и поужинаешь с нами...

— Не могу, — отрезал он. — Это известие, как только я получил банковское уведомление, отравило мне день... Не могу поверить, что мы снова обсуждаем ту же проблему! И в такой день!

— В такой день? — переспросила Элизабет.

— Сегодня я заключил отличную сделку. Одну из крупнейших. На подготовку которой потратил кучу сил. Скрепляя ее рукопожатием, я был так счастлив и горд. И тут вдруг получил известие, что ты...

— Тони, пожалуйста. Даниэль необходимо услышать твое одобрение.

— Я поговорю с ней позже, — ответил он. — И позже похвалю. Кстати, я не нуждаюсь в твоих рекомендациях, что и когда мне делать. Мы с дочерью не чужие! И не нуждаемся в посредниках.

— Я не собираюсь тебя учить — я лишь пытаюсь помочь тебе понять!

Тони схватил спортивную сумку и выбежал из комнаты. Грохнули гаражные ворота, и Элизабет услышала знакомое урчание отъезжающего автомобиля.

* * *

В спортзале Тони разминался в ожидании возможности вступить в игру, выполняя наклоны и потягивания, а выйдя на площадку и завладев мячом, совершал стремительные дриблинги* и молниеносные передачи, практически забыв о своих домашних неприятностях. Он был агрессивен и всякий раз, завладев мячом, напролом устремлялся к корзине, наткнувшись же на защитника, он совершал обманный маневр в попытке найти другой свободный подход. Играя в защите, он, не боясь нарушить правила, отбирал мяч, заставляя противника — главным образом неповоротливых белых парней — как следует попотеть. На баскетбольной площадке он чувствовал себя словно рыба в воде, наслаждаясь возможностью контролировать игру, в отличие от неподвластной ему ситуации в собственной семье.

Игра была в разгаре — шел третий тайм, — когда Майкл, лучший друг Тони, крикнул ему, что готов принять пас в угол площадки. Защитник соперника слегка сместился, и Тони кивнул другу в знак согласия. Получив пас, Майкл дриблингом приблизился к линии штрафного броска и подал знак Тони. Вновь кивнув, Тони последовал за Майклом.

То был не просто бросок, а своего рода шедевр! Все замерли, когда Майкл, подхватив мяч, сделал пас, но угодил в щит. В тот же миг Тони, подпрыгнув, поймал мяч и протолкнул его в корзину.

— Играем! — крикнул Майкл.

---

* Дриблинг (от *англ.* dribble — вести мяч) — маневр с мячом, смысл которого состоит в продвижении игрока мимо защитника при сохранении мяча у себя.

Все игроки, что были на площадке или ждали своей очереди, встретили бросок Тони криками восторга. Его окружили товарищи по команде, кто-то похлопал его по спине, кто-то «дал пять». Даже соперники поздравляли его.

— Это было круто! — восхитился один.

— Может, сыграем еще? — предложил другой.

— Нет, — сказал Тони. — Мне пора.

— Да ладно тебе, давай еще разок.

— Мы трижды разбили вас в пух и прах. — Тони глянул на скамьи вдоль стен и увидел двух ожидающих своей очереди игроков. — Пусть сыграют эти ребята.

— Порядок. Давайте, ребята, сюда.

Тони сел на скамью и, вытирая полотенцем лицо, почувствовал, как спало мышечное напряжение, а вместе с ним и недавний стресс. Нельзя сказать, что он забыл про пять тысяч долларов, он по-прежнему жалел об их утрате, но немного успокоился.

Майкл сел рядом и, удивленно глядя на друга, спросил:

— Все нормально?

— Да, — ответил Тони. — А что?

— Настрой у тебя сегодня какой-то злой.

Майкл был неплохим игроком, быстрым и способным молниеносно оценить ситуацию на площадке, но здоровой злости ему не доставало.

— И что? Зато так я лучше играю, — парировал Тони.

— Не отдавая мяч? От тебя сегодня было не дожидаться паса. Проще заставить испугаться кошку.

— Я просто хотел выпустить пар.

— Надеюсь, выпустил. — Тони улыбнулся: Майкл был прав, хотя и немного завидовал другу. В жизни и на площадке всегда были те, кто завидовал Тони. — В любом случае, бросок был что надо, — сказал Майкл. — Нам всем время от времени полезен такой выпуск пара.

Тони решил, что Майкл готов обсудить, *почему* его другу было так необходимо выпустить пар, и отчасти ждал этого

разговора, но передумал, ведь откровенничать предстояло перед одним из членов церкви. Все связанное со своей семьей и браком лучше держать при себе. В его жизни были и другие проблемы, скрывать которые становилось все труднее, но он не хотел обсуждать их с Майклом, да и вообще с кем-либо.

— В церковь придешь? — спросил Майкл.

— Возможно.

— Возможно — значит «нет».

Он был прав. «Возможно» в среде бизнесменов — форма вежливого отказа. На клиента необходимо давить, пока он не сдастся. Для Тони посещение церкви большого интереса не представляло. Он считал его необходимым, хотя и досадным ритуалом. Чем-то вроде благотворно влияющим на его брак, семью и даже душу и тем, что стало неотъемлемой частью его воскресного утра. Церковь была для него центром неформального общения. Местом, где он устанавливал контакты и старался поддерживать свою репутацию.

Но именно в церкви он испытывал чувство вины и душевного дискомфорта, когда, сидя на церковной скамье и глядя на всех этих прихожан с их идеальными детьми и не менее идеальными браками, понимал, чего лишен сам. Впрочем, пропуская воскресные службы, он рисковал встретиться с пристальным взглядом Элизабет.

— Эй, Тони, покажи-ка свой коронный прыжок, — обратился к нему игрок из команды-соперницы, когда Тони уже направлялся к выходу.

— Старик, мне пора, — улыбаясь, отмахнулся Тони.

Парень ткнул большим пальцем через плечо, указывая на стоящих за его спиной игроков:

— Я обещал им. Ну, разок.

Тони знал, о чем идет речь, и это не имело ничего общего с баскетболом. Ему хотелось сослаться на усталость и просто уйти, но на него были обращены взоры всех собравшихся в спортзале. Он был в центре всеобщего внимания.

Бросив на пол спортивную сумку и полотенце и наградив игроков взглядом, словно говорящим: «Смотрите внимательно. Повторять не буду», Тони собрался с силами, напряг мышцы ног и доверился мышечной памяти. Из вертикальной стойки он подпрыгнул, совершил кувырок назад и идеально приземлился на ноги с плотно прижатыми к телу руками.

От изумления новички разинули рты, а всегдашняяи спортзала, аплодируя, приветствовали ловкость Тони радостными криками.

— Я же говорил! — завопил игрок, инициировавший это зрелище.

Майкл лишь покачал головой, а Тони подобрал свои вещи.

В дверях он столкнулся с Эрни Тиммсом, который, направляясь в спортзал, листал какие-то бумажки. Это был худой мужчина с не поддающимися расческе вечно всклокоченными волосами. В течение нескольких лет Эрни был директором этого не самого успешного в коммерческом плане городского центра досуга, в котором и находился спортзал. Складывалось впечатление, что все его усилия, направленные на устранение с помощью денежных средств тех или иных проблем и реализацию разного рода программ, не приводят к желаемому результату.

— Что-то случилось, Эрни? — спросил Тони, заметив его озабоченность.

— Привет, Тони. Парни, вы не знаете, до какого часа для вас сегодня забронирован зал?

— Думаю, до половины десятого, — ответил Тони. — А что? Эрни нахмурился:

— Ну надо же! Кажется, мы на это же время предоставили его кому-то еще. Ладно, не беда... Разберусь. Спасибо.

«Недомена!» Этот парень всегда выглядел каким-то странным. Вот уж на кого Тони меньше всего хотелось походить, так это на Эрни.